

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Памяти Ю. А. Сидорова.

† 21 января 1909 года.

21 января исполняется пять лѣтъ со смерти Юрія Анагнѣевича Сидорова, юноши-поэта, умершаго двадцати одного года отъ рожденія. Вскорѣ послѣ его смерти вышла книга его стиховъ (книгоиздательство „Альціона“). Но эта книга даетъ очень слабое представленіе о покойномъ Сидоровѣ. о томъ, что было въ немъ особенно характернаго, о его религіозной личности.

Я простился съ Ю. А. за мѣсяць до его смерти. Онъ говорилъ мнѣ, что рѣшилъ принять священство, что иначе онъ болѣе не выдержитъ жизни. Онъ казался глубоко утомленнымъ, хотя бодрымъ и полнымъ надеждъ. Тогда сложилось уже его міросозерцаніе, проникнутое духомъ византійскаго аскетизма. Раньше Сидоровъ прошелъ черезъ увлеченія современности, онъ былъ поклонникомъ Бодлэра, его влекло къ себѣ ученіе египетскихъ офитовъ. Изъ этой школы онъ вынесъ вѣрное пониманіе *грѣха*, евангельское отрицаніе *міра*. Любимыми писателями его были Гоголь и Константинъ Леонтьевъ.

Характерно его отрицательное отношеніе къ Достоевскому. Онъ любилъ повторять слова К. Леонтьева, что христіанство Достоевскаго „розовое, сентиментальное“ христіанство. Во имя византійскаго аскетизма онъ вступилъ въ споръ съ В. Ф. Эрномъ, который въ то время пробовалъ основать на „Пастырѣ“ Герма односторонне-оптимистическое пониманіе христіанства.

Однажды я, исходя изъ фальшивой точки зрѣнія на Франциска Ассизскаго, противопоставлялъ его якобы *природное* христіанство византійскому аскетизму. Сидоровъ, еще не покидая той же фальшивой точки зрѣнія на Франциска, оживленно воскликнулъ: „Что написалъ Францискъ? Гимнь солнцу! А Златоустъ написалъ литургію!“

Я призналъ себя побѣжденнымъ.

Сидоровъ былъ глубоко правъ, не принимая Франциска въ томъ видѣ, въ какомъ любятъ представлять его модернисты. Но исторически Францискъ не покидалъ церковной почвы, онъ былъ постникомъ и аскетомъ въ самомъ строгомъ смыслѣ слова.

Чтобы дать понять, что ушло въ могилу со смертью Ю. Сидорова, я приведу нѣсколько отрывковъ изъ его послѣдняго письма ко мнѣ изъ Калуги, написаннаго за нѣсколько недѣль до смерти:

„Получилъ Ваше письмо въ самый день Праздника. И хочется радостно отвѣтить Вамъ прежде всего словами, кои только что теперь пѣлись церковью. Державныя, властныя слова, крѣпко замыкаютъ они святѣйшия душевныя и хранятъ ихъ отъ современныхъ намъ антихристовыхъ слугъ. „Огнь Божества... вниде въ утробу Маріи“; „незаходимое солнце грядетъ возсіять изъ двѣственнаго облака и просвѣтитъ всю подсолнечную“ и,—„Младенецъ міродержавный родился; небо—вертепъ, престолъ херувимскій—Дѣва“, но и „ясли—престолъ огнезрачный“; и се „*херувимъ отступаетъ отъ древа жизни* и мы приобщаемся райской пищи Эдема“.

„Съ Праздникомъ, милый и дорогой мой, съ Праздникомъ.

„Вы собирались когда-то, другъ мой, писать „Опроверженіе язычества“, непременно примите меня въ сотрудники. Я обуреваемъ обличительною яростью и съ нескрываемымъ удовольствіемъ припоминаю стихи В. Иванова:

Дуль вѣтеръ, осыпались розы,
Склонялся скорбный кипарисъ...
Обнажены роптали лозы:
„Почилъ великій Діонисъ“.

И съ тризны мертвенно-вакхальной
Мы шли туманвы и грустны,
И былъ далекъ земли печальный
Возвратъ языческой весны.

„Не „почилъ“, а просто истуканъ его расколотили и оттуда выбѣжали гнѣздившіеся тамъ мыши и тараканы. Да будетъ воля Божія какъ на небѣ, такъ и на любимой и родной землѣ, но „языческой весны“ ей не нужно.

...„Отъ язычества празднуется Новый Годъ, но 1-го января поминается какъ бы намѣренно церковью Василиій Великій, эта „молнія проповѣданій“, „труба Божественнаго грома“, „свѣтоносный таинникъ Христовъ Василиій““.

Юрій Сидоровъ былъ единственнымъ сыномъ престарѣлыхъ родителей. Мать не перенесла его смерти, и угасла въ тотъ же годъ.

Я прѣхалъ въ Калугу поклониться могилѣ моего друга. Помню пустое загородное кладбище, бѣшеную февральскую вьюгу, звенящую металлическими вѣнками и, надъ могилой, — могучаго, безмолвнаго отъ горя старика - отца, закутаннаго пледомъ...

Эта безвременная смерть юноши наканунѣ посвященія въ духовный санъ произвела впечатлѣніе рокового удара и грознаго предостереженія. И теперь друзья не перестаютъ собираться въ день кончины Сидорова въ томъ храмѣ, гдѣ онъ любилъ бывать, въ храмѣ Христа Спасителя, для совершенія панихиды. И какъ не вѣрить, что этотъ юноша, вырванный изъ жизни наканунѣ своего великаго дѣла, уже обреченъ на служеніе предъ престоломъ, и теперь невидимо присутствуетъ въ церкви, молится съ нами, помогаетъ намъ? Здѣсь не одно сожалѣніе и печаль, здѣсь твердая вѣра и надежда.

Сергій Соловьевъ.